

8. Фукуяма, Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия : пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – Москва : Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.
9. Semenenko, I. Ethnicities, Nationalism and the Politics of Identity: Shaping the Nation in Russia / I. Semenenko // *Europe-Asia Studies*. – 2015. – Т. 67, № 2. – P. 306–326.

References

1. *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika* [Identity: Personality, society, politics]. Ed. by I. S. Semenenko. Moscow, Ves mir Publ, 2017, 992 p.
2. *Politicheskaya identichnost i politika identichnosti: v 2 tomakh* [Political identity and identity policy: in 2 vol.]. Ed. by I. S. Semenenko. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, vol. 1, 208 p.
3. Popova, O. V. Analiz bazovoy matritsy gosudarstvennoy identichnosti. Mekhanizmy formirovaniya politicheskoy identichnosti [Analysis of the basic matrix of state identity. Mechanisms for the formation of political identity]. *Konstituirovaniye sovremennoy politiki v Rossii: institucionalnyye problemy* [The constitution of modern politics in Russia: institutional problems]. Ed. by S. V. Patrushev, L. E. Filippova. Moscow, Politicheskaya encyclopedia Publ., 2018, pp. 119–128, 210–217.
4. Semenenko, I. S. Kontsept identichnosti v izuchenii politiki [The concept of identity in the study of politics]. *Sovremennaya politicheskaya nauka* [Modern Political Science]. Ed. by O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin. Moscow, Aspect Press., 2019, pp. 446–463.
5. Semenenko, I. S. Natsionalizm, separatizm, demokratiya... Metamorfozy natsionalnoy identichnosti v "staroy" Yevrope [Nationalism, separatism, democracy... Metamorphoses of national identity in "old" Europe]. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya* [Polis. Political research], 2018, no. 5, pp. 70–87.
6. Semenenko, I. S. Proshloye na perednem kraye politiki identichnosti [The past at the forefront of identity politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2018, vol. 62, no. 11, pp. 65–76.
7. Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Bardin, A. L., Pantin, V. I. Mezhdugosudarstvom i natsiyey: dilemmy politiki identichnosti na postsovetskom prostranstve [Between the state and the nation: dilemmas of identity politics in the post-Soviet space]. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya* [Policy. Political research], 2017, no. 5, pp. 54–78.
8. Fukuyama, F. *Identichnost: Stremeniye k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity: The desire for recognition and the policy of rejection]. Moscow, Alpina Publisher, 2019, 256 p.
9. Semenenko, I. Ethnicities, Nationalism and the Politics of Identity: Shaping the Nation in Russia. *Europe-Asia Studies*. 2015, vol. 67, no. 2, pp. 306–326.

DOI 10.21672/1818-510X-2019-61-4-056-066

О НЕКОТОРЫХ ДИСКУРСИВНЫХ АСПЕКТАХ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ³

Мухарямов Наиль Мидхатович, доктор политических наук, профессор
Казанский государственный энергетический университет
Российская Федерация, Республика Татарстан, 420066, г. Казань, ул. Красносельская, 51
E-mail: n.mukharyamov@yandex.ru

Януш Ольга Борисовна, кандидат политических наук, доцент
Казанский государственный энергетический университет
Российская Федерация, Республика Татарстан, 420066, г. Казань, ул. Красносельская, 51
E-mail: yanush_ob@yahoo.com

Шакурова Гульназ Зиннатулловна, старший преподаватель
Казанский государственный энергетический университет
Российская Федерация, Республика Татарстан, 420066, г. Казань, ул. Красносельская, 51
E-mail: lady.rahimullina2010@yandex.ru

Высказана идея о рассмотрении языковой политики национального и регионального уровней как дискурсивного процесса. Отмечены территориально-иерархические уровни политической коммуникации, функциональные сегменты и разновидности субъектов дискурса. Выделены три крупных структурно-тематических блока и уровня дискурсивной деятельности применительно к языковой политике в российских регионах: академический, официальный дискурс и дискурс масс-медиа. Если в медийном пространстве и академическом дискурсе наблюдается принципиальный качественный сдвиг, то в официально-документальном дискурсе, отражающем позицию и подходы федеральных и региональных властных инстанций, терминологическая фигура «языковая

---

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31465 «Региональная языковая политика в дискурсивных измерениях». (The study was carried out with the financial support of the Russian Federal Property Fund and the Autonomous Non-Profit Organization of Electronic Information Technologies in the framework of the scientific project No. 19-011-31465 "Regional language policy in discursive dimensions".)

политика» присутствует исчезающе минимально. Предпринят анализ нормативно-законодательной базы и опыта языковой политики в образовательной сфере; количественный анализ представленности ряда дискурсивных конструктов в информационно-политическом пространстве российских регионов, таких как Астраханская область, республики Карелия, Марий Эл, Татарстан и Ульяновская область. Геополитические коннотации коммуникативно-языковой ситуации в Астраханской области рассматриваются как дискурсивный сегмент, имеющий потенциал актуализации. Сделан вывод о том, что взаимодействие различных сегментов смысловой организации деятельности в области языковой политики регионального уровня – это не только предмет академического наблюдения, но и важное направление практических усилий в области управления культурно-языковым многообразием.

Ключевые слова: языковая политика, регионы России, дискурс масс-медиа, академический дискурс, официально-документальный дискурс

ABOUT SOME DISCURSIVE ASPECTS OF LANGUAGE POLICY IN THE RUSSIAN REGIONS

Mukharyamov Nail M., D. Sc. (Policy), Professor

Kazan State Power Engineering University

51 Krasnoselskaya St., Kazan, 420066, Republic of Tatarstan, Russian Federation

E-mail: n.mukharyamov@yandex.ru

Yanush Olga B., Ph. D. (Policy), Associate Professor

Kazan State Power Engineering University

51 Krasnoselskaya St., Kazan, 420066, Republic of Tatarstan, Russian Federation

E-mail: yanush_ob@yahoo.com

Shakurova Gulnaz Z., Senior Lecturer

Kazan State Power Engineering University

51 Krasnoselskaya St., Kazan, 420066, Republic of Tatarstan, Russian Federation

E-mail: lady.rahimullina2010@yandex.ru

The article expresses the idea of considering the language policy of the national and regional levels as a discursive process. The territorial and hierarchical levels of political communication, functional segments and varieties of subjects of discourse are noted. The authors distinguish three major structural-thematic blocks and the level of discursive activity in relation to language policy in the Russian regions: academic, official discourse and mass media discourse. If a fundamental qualitative shift is observed in the media space and academic discourse, then in the official documentary discourse reflecting the position and approaches of federal and regional authorities, the terminological figure "language policy" is vanishingly minimal. An analysis of the regulatory framework and the experience of language policy in the educational field and quantitative analysis of the representation of a number of discursive constructs in the information and political space of Russian regions - the Astrakhan region, the republics of Karelia, Mari El, Tatarstan and the Ulyanovsk region have been undertaken. The geopolitical connotations of the communicative-linguistic situation in the Astrakhan region are considered as a discursive segment with the potential for actualization. It is concluded that the interaction of various segments of the semantic organization of activities in the field of language policy at the regional level is not only a subject of academic observation, but also an important direction of practical efforts in the field of managing cultural and linguistic diversity.

Keywords: language policy, Russian regions, mass media discourse, academic discourse, official documentary discourse

Предмет рассмотрения – дискурсивные аспекты региональной языковой политики (политик) – соединяет два тематических ракурса, которые в российских исследованиях традиционно разрабатывались в рамках обособленных дисциплин, развивающихся, скорее, по дивергентным направлениям. Дискурс-анализ властно-управленческих отношений изначально был отнесён к научной области политической лингвистики, а языковая политика – к профессиональной специализации социолингвистики. В области изучения языковой политики и политики языка в российских условиях главенствующая роль принадлежит языковедам и антропологам. В. А. Тишков отмечает: «В политологии тема языковой политики освещена более скромно, если не считать активно разрабатываемые проблемы языка политики и так называемой политической лингвистики» [15, с. 128].

Следует, между тем, признать, что и тот, и другой из названных сегментов исследовательского пространства демонстрируют эвристический потенциал на направлениях междисциплинарной (или интер- и трансдисциплинарности) интеграции.

Как и любая сфера публичной политики, языковая политика, как на национальном, так и региональном уровнях, может и должна анализироваться в виде дискурсивного

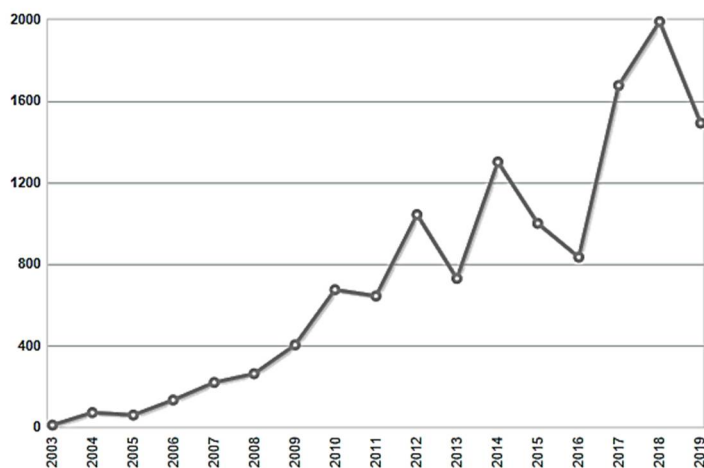
процесса: «...любой содержательно целостный политический процесс, – пишет М. В. Ильин, – например, избирательная кампания, формирование правительства, образование общественного движения и т. п., оказывается дискурсом» [13, с. 469].

Дискурсивные явления, события и процессы аналитически отражаются во множестве вариантов типологии. В интересах данного изложения можно отметить территориально-иерархические уровни политической коммуникации (федеральный, региональный и муниципальный); несколько функциональных сегментов (аппаратная, или бюрократическая коммуникация, публичная политика, парламентская коммуникация); разновидности субъектов дискурса (ветви власти, публичные политические фигуры вне сферы властных полномочий, общественные силы, СМИ, идеологи, «люди с улицы») [10, с. 190–193].

В отличие от философского дискурс-анализа, дискурс-исторический подход практикует более конкретизированный понятийный инструментарий. Здесь выделяется уровень рассмотрения топиков (особых тематических структур), а также уровень референциальных стратегий, или именованная акторов, и предикационных стратегий – приписывания этим акторам тех или иных свойств и способов деятельности [13, с. 476]. Так, Рут Водак наряду с названными топиками рассматривает своего рода «секторальный» горизонт дискурсивной деятельности (законотворчество, формирование общественного мнения, внутрипартийные отношения и пропаганда, политическое администрирование и политическая реклама, институты исполнительной власти, политический контроль). Каждой из этих областей деятельности соответствуют свои жанровые особенности – правовые акты, поправки, рекомендации, предписания; интервью, пресс-релизы, ток-шоу, круглые столы; партийные программы и декларации; документы и выступления в рамках предвыборных кампаний; выступления руководителей исполнительных органов и ведомств; декларации оппозиционных партий, парламентские запросы [17, р. 716].

В контексте данного изложения целесообразно выделить три крупных структурно-тематических блока и уровня дискурсивной деятельности применительно к языковой политике в российских регионах – это академический дискурс (результаты работы профессионалов-исследователей, выступающих также в роли экспертов); официально-документальный дискурс (нормативно-правовые акты, доктринальные и программно-целевые документы – всё то, что создаётся в рамках полномочных инстанций и соответствующих мандатов); дискурс масс-медиа.

В российском медийном пространстве как федерального, так и регионального уровней наблюдается рост числа сообщений с упоминанием словосочетания «языковая политика». Если в период с 2003 по 2009 г. их число составило не более 400 ежегодно, то в 2017 г. фиксируется резкий рост, пиковые значения приходятся на 2018 г. – 2000 сообщений.

© Медиалогия

Рис. Динамика сообщений по запросу «языковая политика» (01.01.2003–31.08.2019)

Если говорить об академическом контуре, на котором осваивается тема региональной языковой политики, то следует констатировать принципиальный качественный сдвиг в научных разработках в последние годы, усиливающийся исследовательский интерес специалистов

в различных областях социально-гуманитарного знания. За истекшие три – четыре года состоялись масштабные научные мероприятия – конференции, научные форумы, например серия обсуждений в рамках форума-диалога «Языковая политика. Общероссийская экспертиза» под эгидой Федерального агентства по делам национальностей. Среди фундаментальных достижений в этой области, несомненно, надо упомянуть издание энциклопедии «Язык и общество», содержащей колоссальный массив данных, отражающих актуальное состояние языковой жизни в российских республиках, сведений о функционировании языков народов страны, словарных статей по всему комплексу социолингвистического знания [16].

Обратившись к рассматриваемому здесь предмету, применительно к академическому дискурсу можно остановиться на важном обстоятельстве. Исследователи обращают внимание на характерный момент, непосредственно связанный с дискурсивными основаниями языковой политики в её региональных измерениях. В российских условиях понятие «региональный язык», также как и понятие «язык меньшинства», в научном смысле специальной терминологизации не получают. Так, в 2006 г. под эгидой Министерства регионального развития была создана Межведомственная рабочая группа по вопросам ратификации Европейской Хартии региональных языков и языков меньшинств. В заседаниях участвовали языковеды и специалисты в сфере образовательной политики, но не правоведы или юристы-международники, специализирующиеся в области языковых прав, этнологи, изучающие миноритарные этноязыковые группы: «...значительное время ушло на обсуждение толкований терминов "национальные меньшинства", "региональные языки", "языки меньшинств", чего можно было бы избежать, ознакомившись с анализом понятийного инструментария Хартии, предлагаемого ведущими европейскими экспертами в области языковых прав. ...Существенными в рамках Хартии понятиями, разграничение между которыми предстоит освоить российским юристам и чиновникам, являются термины – *региональные языки* (альтернативно именуемые в некоторых государствах как языки меньшинств) и *языки нетерриториальные*» [14, с. 4–5].

Специалисты Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН предлагают социолингвистическую версию языкового разнообразия России, которая позволяет применять системный и научно обеспеченный подход к прогнозированию и планированию языковой жизни. Культурно-языковое разнообразие как область управленческого воздействия включает рациональное планирование социальных функций разных групп языков, их использование в разных сферах общения – «в школьном обучении, в печати, на радио, на телевидении и в других сферах организованной коммуникации» [8, с. 10–11]. Классификация, призванная устранить терминологическое рассогласование, с этой точки зрения подразделяет номенклатуру языков Российской Федерации (по данным переписи 2010 г. – 275 языков) на 92 языка коренных народов России и другие языки (языки диаспор). Общая картина, таким образом, складывается в следующем виде:

- языки мажоритарных коренных народов (более 50 000 носителей) – 30;
- языки миноритарных коренных народов (менее 50 000 носителей) – 62;
- языки диаспор (например, армянский, азербайджанский, афганский, корейский, китайский, казахский, латышский, литовский и др.) – 45–50 языков.

На этой базе, как отмечается, становится возможным формирование предпосылок политико-управленческого воздействия. «Государство при планировании должно иметь представление о том, – подчёркивает Ю. В. Михальченко, – какие языки имеют социальную базу, основу для дальнейшего расширения социальных функций, а какие языки нуждаются в поддержке в связи с опасностью их исчезновения» [8, с. 10].

Оценки процессов, происходящих в политико-языковой области, со стороны специалистов-исследователей и, в частности, по отношению к языковой политике, временами звучат в довольно резкой критической тональности. Сказанное относится и к региональным аспектам этой политики. Как пишет В. М. Алпатов, «единой, продуманной [языковой] политики, сравнимой с тем, что делалось в советское время, не было и по-прежнему нет. Сколько-нибудь ясные цели не ставятся, а политика **целиком передана от центра к регионам** (выделено нами – Н. М., О. Я., Г. Ш.), где ведётся по-разному: в одних случаях проявляется местный национализм, в других – излишняя русификация» [1, с. 17].

Характеристики академического дискурса, в том числе его категориального устройства, составляют интеллектуальные предпосылки для формирования официально-документального

дискурса, который отражает позицию и подходы властных инстанций на федеральном и региональном уровнях.

Языковое законодательство Российской Федерации включает значительный массив нормативно-правовых установлений – это ст. 68 Конституции Российской Федерации (дающая право республикам-субъектам РФ закреплять за «титულными» языками статус государственных), более 80 законодательных актов, относящихся к русскому языку как государственному языку России, десятки «языковых» законов республик в составе Российской Федерации и несколько актов областного уровня, например: Закон Калининградской области «О защите русского языка на территории Калининградской области» (22 февраля 1996 г.), законопроект «О государственной поддержке языковой культуры в Московской области» (7 июля 1999 г.). По оценке специалистов, эта область правового регулирования оценивается как «в целом соответствующая международным стандартам» [9, с. 845].

Однако экспертные суждения практики правового регулирования языковой жизни отмечены печатью некоторой амбивалентности. Можно, в частности, обратить внимание на то, что термин «языковая политика» в корпусе правовых актов о языках страны фактически не артикулируется либо присутствует как частный случай (с меньшим логическим объёмом по сравнению с иными, «смежными» дискурсивными конструктами – «сохранение», «защита», «развитие», «изучение», «поддержка» языков и т. п.). Так, в Законе «О языках народов Российской Федерации» (в ред. от 11.12.2002 № 165-ФЗ) содержится норма – ст. 4.2 «Социальная защита языков, проведение научно обоснованной языковой политики, направленной на сохранение, развитие и изучение всех языков народов Российской Федерации на территории Российской Федерации».

Среди весьма редко встречающихся исключений можно привести два примера. Первый – положения, содержащиеся в Постановлении Правительства РФ «Об утверждении федеральной целевой программы “Русский язык”» (от 23 июля 1996 г. № 881): «Стержнем языковой политики, включая политику в области образования, является стратегия сохранения и упрочения сбалансированного национально-русского и русско-национального двуязычия, при котором обеспечивается знание русского языка как государственного всем населением Российской Федерации и поощряется изучение национальных языков населением её республик. Должны быть созданы условия для гармоничного взаимодействия русского языка с другими языками Российской Федерации» [11].

В одном из разделов Программы в ряду других ставится основная цель, имеющая непосредственное отношение к региональным аспектам языковой политики: «анализ языковых аспектов этнополитической ситуации в регионах с разным уровнем политической и экономической стабильности; изучение воздействия процессов миграции на языковое поведение граждан, определение роли русского языка в национальной идентификации; выявление возможностей государственной и негосударственной финансовой и материальной поддержки развития языков в условиях перехода к рыночной экономике; подготовка и переподготовка специалистов из числа носителей различных языков» [11]. Как можно видеть, в приведённых официально-дискурсивных формулах содержатся принципиальные коннотации. С одной стороны, это региональные (в первую очередь республиканские, но не только) моменты, что выражается в акцентировании сбалансированного двуязычия. С другой стороны, языковая жизнь регионов рассматривается сквозь призму этнополитической ситуации и политической стабильности в российских регионах. Правда, нельзя не признать одно обстоятельство принципиального порядка: эти смысловые нюансы, характерные для дискурсивного моделирования языковой политики при приоритете плюралистических подходов, обладали, выдвигались на первый план и наделялись статусом «стержневых» почти четверть века назад. Можно вновь подчеркнуть, что в наши дни сама терминологическая фигура «языковая политика» как таковая в официально-дискурсивном пространстве присутствует исчезающе минимально.

Второй пример, напрямую связанный с нормативно-правовыми дискурсами региональной языковой политики и представляющий собой исключительно редкий случай, – это Крым. В проекте закона Республики Крым «О функционировании государственных языков Республики Крым и иных языков в Республике Крым» (Постановление Государственного совета Республики Крым от 24 мая 2017 г. № 1562-1/17) содержится специальный фрагмент – ст. 4 «Основные принципы языковой политики в Республике Крым»:

«На территории Республики Крым признаются и закрепляются следующие основные принципы языковой политики:

- 1) языковое равенство каждого человека независимо от его происхождения, национальности, социального и имущественного положения, образования, отношения к религии и места проживания;
- 2) право каждого человека на свободный выбор языка общения, образования и интеллектуального творчества;
- 3) равные возможности для сохранения и развития всех языков народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Крым;
- 4) сохранение и развитие родного языка, уважительное и бережное отношение к иным языкам;
- 5) создание условий для сохранения и развития языков малочисленных народов и этнических групп;
- 6) недопустимость противопоставления языков, ограничений языковых прав, установления преимуществ и привилегий в использовании одного языка по отношению к другим» [12].

Эта новационная законодательная мера, заслуживающая особого внимания (без преувеличения), логично и обоснованно отмечена жанровыми признаками декларативности. Однако можно рассчитывать на то, что принятие и дальнейшая имплементация закона будет предполагать программно-целевой подход к языковому регулированию как к политике в собственном смысле слова, как к дискурсивному процессу публично-политического свойства.

Упомянутая выше оценочная амбивалентность по отношению к федеральному и региональному языковому законодательству связана с разноплановыми суждениями критического плана.

Качество законодательства. Среди факторов, препятствующих разработке эффективных моделей языковой политики, особняком стоит качество законодательного регулирования социально-коммуникативных аспектов языковых отношений как на федеральном, так и на региональных уровнях.

Чтобы достигать действенности в своих регулятивных функциях, законодательство, кроме всего прочего, должно отвечать критериям адекватности реалиям общественных отношений и вытекающему из этого целеполаганию (в том числе социальным потребностям, интересам и запросам граждан), критериям пригодности для правоприменительной практики, принципам разумной достаточности и недопущения избыточности, стабильности, полноты охвата всех аспектов правоотношений, демократичности. Аксиомой выглядит требование, которое устанавливает правильный баланс между определённой законодательством и определённым, ясным и императивным образом (субстантивно) выраженными требованиями к действиям участников правоотношений, с одной стороны, и символическим нормами, декларативными аспектами, какими бы то ни было «благими пожеланиями», с другой стороны.

В качестве примера можно привести Закон «О языках народов Республики Калмыкия» (от 27 октября 1999 г.), в котором одновременно содержались нормы о свободе пользования языками (ст. 2), с одной стороны, и требование – «знание калмыцкого языка является гражданским долгом каждого, постоянно проживающего на территории Республики Калмыкия», с другой стороны [6].

Перекося в сторону норм, манифестирующих те или иные ценностные установки властей, норм-прокламаций, лозунгов и идеологических призывов (если не сказать, пропагандистских клише), снижает эффективность законодательства и потенциал его имплементации.

Российское законодательное – федеральное и региональное – пространство, включающее нормативные принципы языкового функционирования, практически оставляет за рамками своего применения важные характеристики социолингвистического состояния как самих языков, так и языковых (шире – социально-коммуникативных) ситуаций в политико-административных масштабах разного уровня.

В Российской Федерации, как уже было сказано, создан солидный гуманитарный нормативно-правовой фундамент в области языков, который позволил повысить статус языков народов страны. Однако это не привело к формированию надёжного механизма защиты русского языка, государственных языков республик Российской Федерации и языков народов страны в целом от воздействия многих неблагоприятных факторов, прежде всего – от процессов потери их функциональности (если говорить о языках *defacto* миноритарных).

Юридические меры поддержки языков и укрепления их социально-коммуникативных позиций обнаруживают свою очевидную недостаточность.

По мнению экспертов, «этому есть много причин, в том числе и ещё не достигшее совершенства само российское законодательство о языках, его некая декларативность, выхолощенность, излишняя стандартность, обобщённость, в отдельных случаях несоответствие реалиям и запросам, расплывчатость и нечёткость формулировок, которые можно толковать и применять, неясность терминологии, а главное, отсутствие в законодательных актах разработанного механизма реализации многих положений закона» [9, с. 845].

Далее эксперты обращают внимание, что законы сформулированы без учёта коммуникативных рангов языков, их функциональной мощности. Как пишет А. В. Кирилина, «в России официальные меры по поддержке и защите государственного языка недостаточны (это тема для специального обсуждения, и мы ограничимся пока лишь указанием на то, что в настоящее время закон “О языках народов Российской Федерации” от 25.10.1991 № 1807-1 (с дальнейшими изменениями в ред. федеральных законов от 24.07.1998 № 126-ФЗ, от 11.12.2002 № 165-ФЗ) не в полной мере учитывает столь значимое явление, как коммуникативный ранг и статус языка. Русский язык – один из мировых языков и единственный мировой язык из всех языков народов России, язык межнационального общения – хотя и признан в ст. 2 Закона государственным, рассматривается далее наравне с региональными. Между тем, говоря о национальных языках эпохи глобализации, необходимо разграничивать их коммуникативный статус – “малые”, нередко бесписьменные, языки с небольшим числом носителей не слишком мешают глобализации и в официальном дискурсе ООН, ЮНЕСКО и подобных организаций рассматриваются как культурное достояние, требующее заботы и сохранения» [7, с. 128]. В данной трактовке существенное значение имеет та сторона, которая показывает, что многие языки в процессе закрепления их официального статуса были провозглашены в качестве государственных, что дискурсивно фактически вывело их за пределы категории миноритарных языков, нуждающихся в специальных мерах по их защите и преференциальной поддержке, в том числе с учётом зарубежного опыта и международных стандартов.

Следует, наконец, отметить, что проблематика несовершенства законодательного регулирования социально-коммуникативных ситуаций и процессов в российских регионах получала отражение в научной литературе ещё в начале 2000-х гг. Как позитивный момент в оценочных подходах специалистов-языковедов рассматривались результаты, полученные за несколько лет, прошедших после принятия республиканских законов о языках, и о тюркских языках в том числе: расширение присутствия этих языков в образовательном пространстве и педагогической деятельности, в книгоиздании и СМИ, в области гуманитарных дисциплин. В то же время, как пишут А. Н. Баскаков и О. Д. Насырова, «после того как был провозглашён суверенитет в большинстве автономий РФ и приняты языковые законодательства, по которым национальные, в том числе тюркские, языки титульных народов этих автономий получили государственный статус, была предпринята попытка сбалансировать функции этих языков с функциями русского языка в основных сферах общественной деятельности. ...Однако при этом не были учтены многие объективные социолингвистические, этнодемографические, социокультурные, экономические и прочие факторы, ограничивающие или делающие практически невозможным и нецелесообразным равное применение русского и национальных языков. ...Социальная база литературных форм государственных тюркских языков, в которых они могут реализовать свои официальные функции, мала, так как подавляющее большинство их носителей владеет только просторечием, диалектами и говорами этих языков» [2, с. 122].

Обратившись к опыту языковой политики в образовательной сфере, можно убедиться в том, что проводимая значительная работа сталкивается с типичными проблемами и вызовами *de facto* миноритарных языков (не имеющих закреплённого официального статуса) в российском регионе. Риски и вызовы в этой сфере, независимо от того, идёт ли речь о субъектах Российской Федерации с республиканским статусом или с областным, обладают и общей природой.

Во всех дискурсивных сегментах фиксируется катастрофическая нехватка учебников и методик преподавания родных языков, сокращение выделяемых в школьном расписании часов на изучение этих языков, снижение престижа и мотивации, дефицит финансирования. Самое принципиальное – это сужение параметров функциональности так называемых «национальных» языков.

Применительно к проблематике образовательно-языковых отношений в Астраханской области стали говорить о признаках определённой «девальвации». «В условиях, когда резко сузились функции родного языка и понизился уровень владения им (особенно, если он не поддерживается языковым коллективом, семьей), овладение родным языком становится для ребёнка сродни изучению иностранного языка, что требует соответствующей мотивации, методики преподавания и технологического обеспечения, – говорилось в одном из докладов руководства министерства образования Астраханской области (2013 г.). – В лингводидактике недооценивается изменившийся статус родных языков, не разрабатываются новейшие методики обучения и часто не придаётся значения качеству учебников родного языка и учебных пособий» [5].

Однако политико-информационное пространство, связанное с языковыми процессами и отношениями в российских регионах, содержит множество дискурсивных сегментов, часть которых представлена длительными по времени и диверсифицированными артикуляциями смыслов, с одной стороны, и тематическими комплексами, содержащими перспективный потенциал актуализации – с другой. К первой категории можно отнести такие дискурсивные конструкты, как «языковая политика», «сохранение и развитие языков», «языковое многообразие», «языки народов России», «языки меньшинств», представленные в больших или меньших объёмах в информационном пространстве Астраханской области, республик Карелия, Марий Эл, Татарстан и Ульяновской области.

Таблица 1

«Языковая политика», «сохранение и развитие языков», «языковое многообразие», «языки народов России», «языки меньшинств» в информационном пространстве российских регионов (01.01.2003–31.08.2019)

Территория	Языковая политика	Сохранение и развитие языков	Языковое многообразие	Языки народов России	Языки меньшинств
	Общее количество сообщений				
Астраханская обл.	8	10	9	18	1
Карелия	29	73	26	49	24
Марий Эл	9	13	16	86	0
Татарстан	212	465	124	409	75
Ульяновская обл.	18	48	36	17	0

Примечание: данные таблицы сформированы на основе запросов в информационно-аналитической системе «Медиалогия». Дата запроса: 31 августа 2019 г.

Ко второй из названных категорий можно отнести геополитические коннотации коммуникативно-языковой ситуации в Астраханской области. Регион занимает положение своеобразного фронта в межцивилизационном взаимодействии России с сопредельными культурными (геокультурными) пространствами, в том числе с трансграничным тюркским сообществом. Население края включает значимые по своей численности этноязыковые образования, чьи родные (идиоэтнические) языки, как в «коренном», так и в «диаспоральном» качестве, относятся к тюркской группе. По меркам европейской языковой Хартии, некоторые из этих языковых сообществ, к примеру, казахи и татары, могли бы соответствовать критериям носителей региональных языков, а не только миноритарных языков. Казахский и татарский языки заметно представлены в медиапространстве Астраханской области по сравнению, к примеру, с азербайджанским, ногайским и кумыкским языками.

Таблица 2

Языки в медиапространстве Астраханской области (01.01.2015–17.09.2019)
(ТВ, радио, газеты, журналы, информагентства, интернет)

Язык	Количество сообщений					Итого (за 5 лет)
	2015	2016	2017	2018	2019	
Азербайджанский	3	9	8	1	1	22
Казахский	40	34	56	31	30	191
Калмыцкий	5	8	20	71	40	144
Кумыкский	0	0	0	2	0	2
Ногайский	0	4	1	6	3	14
Татарский	29	18	41	39	16	143
Туркменский	3	6	19	4	3	35

Примечание: данные таблицы сформированы на основе запросов в информационно-аналитической системе «Медиалогия». Дата запроса: 17 сентября 2019 г.

Будучи заметным и, безусловно, самоценным составным элементом культурно-языкового ландшафта, это обстоятельство естественным образом содержит предпосылки особой роли области в разностороннем сотрудничестве России со странами тюркоязычного макрорегиона, что, несомненно, выглядит как один из ресурсов евразийской интеграции.

Тенденции последнего времени дают определённые основания для экспертных выводов пока ещё, вероятно, весьма осторожных и предварительных относительно того, что «Москва сегодня разворачивается в сторону тюркского сообщества» [3]. Одним из решающих поводов для таких оценок стало выступление главы МИДа России Сергея Лаврова на форуме «Территория смыслов на Клязьме» в июле 2019 г., где прозвучало заявление, расценённое наблюдателями как «сенсационное». Было сказано, что Москва готова рассмотреть вопрос о вступлении в Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ, или Тюркский совет), если «эта организация будет готова принимать государства, где тюркоязычное население есть, но не доминирует» [3]. Подчёркивается, что в России насчитывается 11-миллионное население, идентифицирующее себя с языками тюркской группы, что наша страна имеет сухопутные границы с двумя государствами-членами ССТГ.

В сентябре 2019 г. состав этого межгосударственного интеграционного объединения расширился за счёт присоединения к Азербайджану, Казахстану, Киргизии, Турции ещё и Узбекистану. Стоит также отметить, что участие в работе Тюркского совета в статусе наблюдателя принимает участие Венгрия.

Применительно к Астраханской области, помимо того, что это регион компактного проживания значимого по численности тюркоязычного населения, следует иметь в виду ещё одно существенное обстоятельство. Регион расположен не просто в зоне геокультурного пограничья, но непосредственно примыкает к пространствам геоэкономических связей, к проектируемым межконтинентальным транспортно-логистическим коридорам, пересекающим Прикаспийский макрорегион. При этом Тюркский совет претендует на роль одного из влиятельных акторов в этой сфере глобальной экономики. В апреле 2019 г. в Бишкеке состоялось четвёртое по счёту заседание министров транспорта Тюркского совета, во время которого министр транспорта и дорог Кыргызской Республики Ж. Байшенов говорил: «Государства Тюркского совета имеют все шансы стать межконтинентальным транзитным мостом, соединяющим экономические и транспортные коридоры Китая, Центральной Азии, России, Кавказа и Европы» [4].

Возможностей Астраханской области для придания культурному (включая этноязыковую сферу), а также коммуникационному, торгово-экономическому, транспортному, инвестиционному сотрудничеству с тюркскими странами, по понятным соображениям, не достаточно. Ситуация становится ещё более затруднённой, если учесть по существу бедственное (с точки зрения ресурсной, прежде всего – финансовой обеспеченности) положение, в котором находится отечественная тюркологическая наука. Достаточно принять во внимание тот факт, что журнал «Российская тюркология» издаётся на спонсорские средства, а профессиональное объединение учёных – Российский комитет тюркологов (РКТ) как научно-координационный орган при Отделении историко-филологических наук РАН – не имеет своего бюджета. Помимо всех необходимых для этого ресурсов, содержательного обсуждения заслуживает такой вектор усилий, как прагматичный, а не только культурно-символический ресурс многоязычного региона.

В качестве заключающего суждения в данном случае уместно было бы сказать о том, что состояние интердискурсивных отношений, взаимодействие различных сегментов смысловой организации деятельности в области языковой политики регионального уровня – далеко не в последнюю очередь – это не только предмет сугубо академического наблюдения, но и важное направление практических усилий по приданию такой политики качеств публичности, качеств сетевого государственно-общественного управления культурно-языковым многообразием.

Список литературы

1. Алпатов, В. М. Языковая политика в XXI веке / В. М. Алпатов // Языковая политика в контексте современных языковых процессов. – Москва : Азбуковник, 2015.
2. Баскаков, А. Н. Социолингвистические проблемы тюркских народов Российской Федерации / А. Н. Баскаков, О. Д. Насырова // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000.
3. Взгляд из Баку: зачем Россия хочет вступить в Тюркский совет. – Режим доступа: <http://regnum.ru/news/polit/2674798.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.
4. Государства Тюркского совета имеют все шансы стать межконтинентальным транзитным мостом, соединяющим экономические и транспортные коридоры Китая, Центральной Азии, России, Кавказа и Европы. –

Режим доступа: <http://mtd.gov.kg/17-aprelya-2019-goda-v-bishkeke-zavershila-svoyu-rabotu-4-e-zasedanie-ministrov-transporta-tyurkского-soveta>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

5. Доклад министра образования и науки Астраханской области В. А. Гутмана. – Режим доступа: <http://zakon.znate.ru/docs/index-17562.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

6. Закон «О языках народов Республики Калмыкия» (от 27 октября 1999 года). – Режим доступа: docs.cntd.ru/document/804910292, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

7. Кирилина, А. В. Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации / А. В. Кирилина // Языковая ситуация в Европе начала XX века. – Москва : ИНИОН РАН, 2015.

8. Михальченко, В. Ю. Социолингвистический аспект классификации языков России / В. Ю. Михальченко // Языки в полиэтничном государстве: развитие, планирование, прогнозирование. – Улан-Удэ, 2019.

9. Орешкина, М. В. Языковое законодательство в Российской Федерации / М. В. Орешкина // Язык и общество. – Москва : Азбуковник, 2016.

10. Паршин, П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики / П. Б. Паршин // Scripta linguistica applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. – Москва : Азбуковник, 2001.

11. Постановление Правительства РФ «Об утверждении федеральной целевой программы «Русский язык» (от 23 июля 1996 г. № 881). – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/19557/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

12. Проект закона Республики Крым «О функционировании государственных языков Республики Крым и иных языков в Республике Крым» (Постановление Государственного совета Республики Крым от 24 мая 2017 г. № 1562-1/17). – Режим доступа: crimea.gov.ru/textdoc/7/project/2-351.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус., англ.

13. Современная политическая наука. Методология. – Москва : Аспект-Пресс, 2019.

14. Соколовский, С. В. Европейская языковая Хартия и защита языковых прав в России / С. В. Соколовский, В. А. Тишков // Европейская языковая Хартия и Россия. – Москва : ИЭА РАН, 2010.

15. Тишков, В. А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) / В. А. Тишков // Политические исследования. – 2019. – № 3.

16. Язык и общество / гл. ред. Ю. Л. Михальченко. – Москва : Азбуковник, 2016.

17. Wodak, R. Politics and Language: Overview / R. Wodak, R. de Cillia // Encyclopedia of Language & Linguistics. – Oxford, 2006.

References

1. Alpatov, V. M. Yazykovaya politika v XXI veke [Language Policy in the 21st Century]. *Yazykovaya politika v kontekste sovremennykh yazykovykh protsessov* [Language policy in the context of modern language processes]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2015.

2. Baskakov, A. N., Nasyrova, O. D. Sotsiolingvisticheskie problemy tyurkskikh narodov Rossiyskoy Federatsii [Sociolinguistic problems of the Turkic peoples of the Russian Federation]. *Yazyki Rossiyskoy Federatsii i novogo zarubezhya: status i funktsii* [Languages of the Russian Federation and the New Foreign Countries: Status and Functions]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000.

3. *Vzglyad iz Baku: zachem Rossiya khochet vstupit v Tyurkskiy sovet* [A look from Baku: why Russia wants to join the Turkic Council]. Available at: <http://regnum.ru/news/polit/2674798.html>.

4. Gosudarstva Tyurkского совета imeyut vse shansy stat mezhkontinentalnym tranzitnym mostom, soedinyayushchim ekonomicheskie i transportnye koridory Kitaya, Tsentralnoy Azii, Rossii, Kavkaza i Evropy [The states of the Turkic Council have every chance to become an intercontinental transit bridge connecting the economic and transport corridors of China, Central Asia, Russia, the Caucasus and Europe]. Available at: <http://mtd.gov.kg/17-aprelya-2019-goda-v-bishkeke-zavershila-svoyu-rabotu-4-e-zasedanie-ministrov-transporta-tyurkского-soveta>.

5. *Doklad ministra obrazovaniya i nauki Astrahanskoy oblasti V. A. Gutmana* [Report of the Minister of Education and Science of the Astrakhan Region by V.A. Gutman]. Available at: <http://zakon.znate.ru/docs/index-17562.html>.

6. *Zakon "O yazykakh narodov Respubliki Kalmykiya" (ot 27 oktyabrya 1999 goda)* [Law "On the Languages of the Peoples of the Republic of Kalmykia" (October 27, 1999)]. Available at: docs.cntd.ru/document/804910292.

7. Kirilina, A. V. Lingvofilosofskaya refleksiya v epokhu globalizatsii [Linguophilosophical reflection in the era of globalization]. *Yazykovaya situatsiya v Evrope nachala XX veka* [The Linguistic Situation in Europe at the Beginning of the 20th Century]. Moscow, INION RAN Publ., 2015.

8. Mikhalchenko, V. Yu. Sotsiolingvisticheskiy aspekt klassifikatsii yazykov Rossii [Sociolinguistic aspect of the classification of languages of Russia]. *Yazyki v polietnicheskom gosudarstve: razvitie, planirovanie, prognozirovanie* [Languages in a multi-ethnic state: development, planning, forecasting]. Ulan-Ude, 2019.

9. Orshkina, M. V. Yazykovoe zakonodatelstvo v Rossiyskoy Federatsii [Language legislation in the Russian Federation]. *Yazyk i obshchestvo* [Language and Society]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016.

10. Parshin, P. B. Issledovatel'skie praktiki, predmet i metody politicheskoy lingvistiki [Research practices, subject and methods of political linguistics]. *Scripta linguistica applicatae. Problemy prikladnoy lingvistiki* [Problems of Applied Linguistics]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2001.

11. *Postanovlenie Pravitelstva RF "Ob utverzhdenii federalnoy tselevoy programmy "Russkiy yazyk" (ot 23 iyulya 1996 goda № 881)* [Decree of the Government of the Russian Federation "On approval of the federal target program "Russian language" (July 8, 1996 No. 881)]. Available at: <http://government.ru/docs/all/19557/>.

12. *Proekt zakona Respubliki Krym "O funktsionirovani gosudarstvennykh yazykov Respubliki Krym i inyykh yazykov v Respublike Krym" (Postanovlenie Gosudarstvennogo soveta Respubliki Krym ot 24 maya 2017 goda)*

№ 1562-1/17) [The draft law of the Republic of Crimea "On the functioning of the state languages of the Republic of Crimea and other languages in the Republic of Crimea" (Resolution of the State Council of the Republic of Crimea dated May 24, 2017 No. 1562-1/17)]. Available at: crimea.gov.ru/textdoc/7/project/2-351.pdf.

13. *Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya* [Modern political science. Methodology]. Moscow, Aspekt-Press, 2019.

14. Sokolovskiy, S. V., Tishkov, V. A. *Evropeyskaya yazykovaya Khartiya i zashchita yazykovykh prav v Rossii* [European Language Charter and the Protection of Language Rights in Russia]. *Evropeyskaya yazykovaya Khartiya i Rossiya* [European Language Charter and Russia]. Moscow, IEA RAN Publ., 2010.

15. Tishkov, V. A. *Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v Rossii (reviziya kategoriy i praktik)* [Language situation and language policy in Russia (revision of categories and practices)]. *Politicheskie issledovaniya* [Political Studies], 2019, no. 3.

16. *Yazyk i obshchestvo* [Language and Society]. Ed. by Yu. L. Mikhailchenko. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016.

17. Wodak, R., de Cillia, R. *Politics and Language: Overview. Encyclopedia of Language & Linguistics*. Oxford, 2006.

DOI 10.21672/1818-510X-2019-61-4-066-073

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
МОЛОДЁЖИ В КРЫМУ И СЕВАСТОПОЛЕ
(НА МАТЕРИАЛАХ МАССОВЫХ ОПРОСОВ)⁴**

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор

Кубанский государственный университет

Российская Федерация, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

E-mail: baranovandrew@mail.ru

Определён тип межэтнических и конфессиональных отношений молодёжи в современной Республике Крым и г. Севастополе. Эмпирической основой выводов стали пилотажный и массовый анкетные опросы молодёжи, проведённые в 2017–2019 гг. Установлена асимметрия межэтнических межконфессиональных дистанций русских, украинцев и крымских татар. Выявлены стереотипы межэтнических восприятий, степень политизации этнических и конфессиональных маркеров в массовом общественном мнении. Раскрыто несоответствие между этнической и языковой самоидентификацией молодёжи. Установлена иерархия идентичностей и раскрыт уровень сформированности российской национальной идентичности молодёжи на Крымском полуострове. Определена степень этнизации проблем миграции, сниженная в сравнении с другими регионами Юга России. Выявлены сходства и различия этнической и конфессиональной идентичностей опрошенной молодёжи в Республике Крым и г. Севастополе, вызванные контрастным уровнем полиэтничности и экономическим контекстом развития сообществ. Аргументирован вывод о достаточно слабой эффективности информационной политики, призванной формировать российскую идентичность молодых жителей Крымского полуострова. Обоснованы меры совершенствования государственной информационной политики в этнополитической сфере.

Ключевые слова: межэтнические и конфессиональные отношения, молодёжь, Крым, Севастополь, массовые опросы

**INTER-ETHNIC AND CONFESSIONAL RELATIONS OF YOUTH
IN THE CRIMEA AND SEVASTOPOL (ON MASS POLLS' MATERIALS)**

Baranov Andrey V., D. Sc. (Policy), D. Sc. (History), Professor

Kuban State University

149 Stavropolskaya St., Krasnodar, 350040, Russian Federation

E-mail: baranovandrew@mail.ru

The article defines the type of interethnic and religious relations of youth in the modern Republic of Crimea and the city of Sevastopol. The empirical basis of the findings was the pilot and mass questionnaires of youth conducted with the participation of the author in 2017–2019. The asymmetry of interethnic and interfaith distances of Russians, Ukrainians and Crimean Tatars is established. The stereotypes of interethnic perceptions, the degree of politicization of ethnic and confessional markers in popular public opinion are revealed. The discrepancy between the ethnic and linguistic identity of youth is revealed. The hierarchy of identities is established and the level of formation of the Russian national youth identity on the Crimean peninsula is revealed. The degree of ethnization of migration problems, reduced in comparison with other regions of the South of Russia, is determined. The similarities and differences of ethnic and

---

⁴ Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 17-03-00802 «Конфликтотенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов». (The study was carried out within the framework of the project of the Russian Foundation for Basic Research No. 17-03-00802 "Conflictogenic and integration factors in the development of human potential in the South of Russia under new geopolitical challenges".)